

Когда я получала в вузе диплом учителя начальных классов, то не думала о том, что судьба заставит спуститься еще на одну образовательную ступень ниже и придется учить дошколят рисованию и лепке. Но малыши оказались народом общительными дружелюбным. К тому же безо всяких анти-возрастных кремов не давали состариться, а это обстоятельство весьма важно для любой женщины.

В студии творческого развития, куда определила меня судьба, малыши занимались два года, а потом поступали на подготовительное отделение детской художественной школы. Разумеется, мы не только рисовали и лепили из пластилина, но и активно развивали речь, составляя рассказы по собственным рисункам, ведь детские рисунки, как известно, зачастую нуждаются в расшифровке.

В середине учебного года в нашу студию незнакомая бабушка привела внука.

— Его зовут Кирилл,— познакомила нас она и подтолкнула его ко мне.— Это твоя учительница. Поздоровайся!

На меня немного боязливо взглянуло курносо-сероглазое личико.

— Здравствуйте! — тихо, но отчетливо сказал мальчик.

Я написала бабушке список принадлежностей для занятий и свой телефон.

Бабушка считала, что внук ведет себя плохо, и поэтому всячески старалась ограничить его свободное время путем записи внука в различные кружки. После наших уроков они бежали на танцы, да и в другие дни недели кроме детского сада был хоккей, пение и что-то еще.

Однако на занятиях Кирилл вел себя очень даже примерно и рисовал вполне сносно для ребенка его возраста.

У нас было принято заполнять анкеты с основными данными о ребенке и родителях.

— Заполните, пожалуйста,— попросила я бабушку в следующее занятие,— ну, или кто-нибудь из родителей.

— У него никого нет,— почти плача, проговорила бабушка,— он сирота, я взяла его под опеку.

— Я не знала, простите.

— Я вам говорила.

Спорить я не стала. Может быть, и говорила, но обычно я запоминаю такие вещи. Мне вдруг стало не по себе, словно я нанесла смертельную рану человеку.

«Ну что ж, буду впредь внимательней», — подумала я.

Однажды перед началом занятий Кирилл, улыбаясь, протянул мне большую желтую бусину.

— Это вам!

— Спасибо, Кирилл!

Я положила бусину на стол. Мы начали урок. Сначала мы говорили о добрых делах, потом эти добрые дела рисовали. Кто-то рисовал, как кормит птиц, кто-то — как поливает цветы.

Кирилл подошел ко мне со своим рисунком. Он нарисовал, как уступает место своей бабушке.

— Вообще-то, уступают всегда мне, но я потом уступаю бабушке, — пояснил он.

Неожиданно он взял с моего стола ту самую бусину.

— Смотрите, — все так же широко улыбаясь, сказал он, — если продеть веревочку, то ее можно повесить сюда, — он приложил бусину к своей груди, демонстрируя тем самым, как красиво она будет смотреться. — Веревочку можно сделать подлиннее или покороче, — учил он меня. — Вам нравится?

— Конечно! Спасибо большое!

— Это я на улице нашел, — радуясь своему везению, сказал Кирилл.

«Ну вот, — думала я, — теперь он счастлив, что у его учительницы кроме обручального кольца будет еще одно украшение — целая бусина на веревочке!»

Разумеется, я бы забавно смотрелась с этой бусиной на шее, но у мальчика было желание делать добрые дела, а это хороший показатель. И не у всех детей из полных семей этот призыв к добру был.

Прошло еще недели две, и бабушка Кирилла, словно открывая мне большую тайну, тихо сказала:

— У него скоро день рождения. Сколько у вас человек детей, чтобы принести угощение?

— Да не надо. Вы дома... семьей...

— Ну что дома! Дома только я и он. Понимаете? Он ждет.

— Нас пятнадцать.

Я была несколько ошарашена. Никто из родителей никогда не проявлял инициативы угостить всех учащихся в день рождения своего чадушки. Конечно, я знала, у кого и когда из ребят дни рождения, но у нас это всегда ограничивалось тем, что именинник вставал посреди класса, а мы дружно кричали: «С днем рожденья!»

— Ну а в саду вы не отмечаете? — почему-то спросила я. Мне это

показалось логичней, ведь ребенок в саду пять дней в неделю, а здесь всего два.

— Там не принято. Да и нет у него там друзей. А у вас тут атмосфера другая.

— Ну а что ему подарить? — спросила я.

— Да ничего не надо! Зачем вам тратиться?

— Ну, может быть, к школе что-то? Он ведь пойдет в школу на следующий год.

— Ничего не надо,— повторила бабушка.

... Я вдруг вспомнила себя — подростка. Мне было 13 лет, и я желала отпраздновать день рождения, потому что очень захотелось ПОДАРКОВ! Раньше, когда я училась в начальной школе, мы всегда отмечали мой день рождения почти всем классом, но потом пришли «лихие девяностые» и праздновать было уже не по карману. А мне хотелось! Я сообщила маме накануне своего дня рождения о том, что я мечтаю о подарках, и мама неожиданно согласилась. За каких-нибудь полчаса я обегала своих знакомых и пригласила человек пять-шесть (так, конечно, никто не делает, сообщать надо заранее, но я же «вдруг» возжелала, и мама «вдруг» согласилась). Угощение было нехитрым, даже торта не было. Мама просто испекла печенье, сделала холодец, винегрет, потушила картошку, открыла маринованных огурчиков... Впрочем, и мои подружки были из несостоятельных семей. Но, пожалуй, если бы не спонтанный, вдруг организованный праздник, то не произошло бы и другое чудесное событие.

Дело в том, что с малых лет я любила рисовать. Рисовала много и всюду. Если не было под рукой бумаги, открывала какую-нибудь детскую книжку без иллюстраций и рисовала прямо на полях. А книжки с иллюстрациями дополняла рисунком на форзаце (он же пустой — так чего же упускать незанятое пространство). Когда я перешла в пятый класс, в нашем городке открылась детская художественная школа. Конечно же, я туда записалась не раздумывая. Получаться у меня стало не сразу. Первое время, видимо, все было так ужасно, что учительница даже оценок мне не ставила. А потом я стала выбиваться в отличницы. Но, когда я перешла в художку во второй класс, оказалось, что маме больше нечем платить за учебу. В те самые «лихие девяностые» сотрудников с ее предприятия отправили в бессрочный отпуск без содержания, и оплатить второе полугодие в художке мама уже не могла. Я тогда была очень опечалена этим фактом. Еще бы! С пеленок рисовать, выбиться в отличницы и вдруг — такая обреченность. Но... спонтанному дню рождения, видимо, суждено было быть и не только быть, но и спасти мое обучение. Одним из подарков были деньги. Как раз та сумма, которую нужно было заплатить за учебу. Я не знаю как,

каким указанием свыше руководствовалась мама той девочки, которая приготовила мне этот подарок, но он тогда меня выручил.

... Бабушка Кирилла, конечно, поскромничала. Да и я бы на ее месте постеснялась что-то заказывать. Но... я же помнила о своем спонтанном дне рождения и спасительном подарке.

Я отправилась в художественный магазин. Бабушка твердо решила, что Кирилл из группы творческого развития обязательно продолжит обучение в художке. Я заметила, что он хорошо чувствует свет и объем, да и фантазия у него есть. Почему бы ему не стать художником?

Я купила набор бумаги для акварели (мне в свое время приходилось рисовать на простых альбомных листах А4 вместо А3), беличьи кисточки (с кисточками меня во время моей учебы выручил дядя — прислал из Питера) и, конечно, брендовые акварельные краски «Белые ночи» (а вот краски мне приходилось заимствовать у своих одноклассников, ибо дядя сказал, что они дорогие, и у мамы не было денег, чтобы их купить). Да и еще пластилин! Мы же лепим! Со стеклами обязательно. И еще хорошую добрую книжку с яркими красивыми иллюстрациями. Подарок, пожалуй, что надо!

Праздновали мы после занятий. Было уже почти восемь вечера, но дети, объевшиеся тортом со сметанным кремом, конфетами и зефиром, совсем не казались уставшими. Похоже, все были счастливы — таких вкусных занятий еще не было. При детях я подарок вручить не решилась — малыши стали бы обижаться: «А мне вы ничего не дарили!..» Я же не виновата, что их родители не хотят отмечать дни рождения! Впрочем, пока им этого не объяснить. Пока им сложно понять, почему у некоторых ребят не бывает родителей и почему такие дети ждут в каждый свой день рождения чего-то особенного...

После вкусного чаепития я отвела Кирилла в сторонку.

— Кирюша, я и все наши ребята поздравляем тебя и дарим тебе вот такой большой и красивый подарок!

Широкая Кирюшина улыбка, казалось, распространилась на все лицо: улыбались глаза и курносый нос, и брови, и даже уши. Он немедленно открыл пакет: все яркое, пахнущее, еще кисточки мягкие, «как кошкин хвостик» — как сказал он. Радости его не было предела!

На следующем занятии бабушка сказала мне:

— Знаете, он сначала расстроился, что только я ему подарила подарок. Но потом прошло полдня и пришла одна соседка с какой-то безделицей, но ему было приятно, потом другая соседка... Каждый что-то принес. А потом вы такой огромный пакет ему подарили — он его домой еле донес и отпускать не хотел.

В тот день на уроке мы рисовали чудо. Я провела, как всегда, беседу перед уроком:

— Вы, конечно, не так еще много прожили, но, я думаю, какое-то маленькое чудо произошло у каждого из вас. Давайте вспомним, какое оно — ЧУДО.

Рисовали долго, старательно. Чудо — все-таки дело необычное и не каждый день случается. Надо еще подумать, как его изобразить.

Кирилл принес свой рисунок. Разноцветные человечки что-то держали в руках, и все они стояли вокруг другого человечка с улыбкой до ушей.

— Расскажи нам, что ты нарисовал,— предложила я.

Кирилл, вновь широко улыбаясь, стал рассказывать:

— У меня недавно случилось чудо. Мне много-много всего подарили. Раньше никогда такого не было, и я не знал, что такое подарок. А в этот раз у меня стало много, очень много подарков! И это было большим чудом!